

УДК 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-517-523

EDN WLQDFW

Философская генеалогия анархизма: от принципа власти к этике самоорганизации

Спицына О.А.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71

9092039277@mail.ru

Аннотация. Анархизм редко осмысливают как самостоятельный онтологический феномен. Чаще его сводят к политической утопии или социальному бунту. В данной работе предлагается иная оптика: рассмотреть анархистскую мысль как имманентную европейской традиции критики власти. Главной категорией анализа выступает двойственная семантика *arche* – «начало» и «повеление». Проблематизация *arche* позволяет перевести дискуссию из плоскости политологии в поле метафизической напряжённости: между трансцендентным принуждением и имманентной способностью сообщества к самоорганизации. Материал от античной демократии до английского рационализма У. Годвина демонстрирует, что анархический импульс есть перманентная линия философствования, ориентированная на деконструкцию иерархических структур. Особое место в этой традиции занимает Н. Макиавелли. Легитимировав автономию политики через разрыв с этикой, он парадоксальным образом высветил необходимость их воссоединения – задачу, которую впоследствии решил классический анархизм XIX века. При всех расхождениях П.-Ж. Прудон, М.А. Бакунин и П.А. Кропоткин преодолевают дуализм индивидуализма и коллективизма через концепты федерализма и взаимопомощи. Анархия утверждается ими не как хаос, а как позитивный порядок без господства. Сделан вывод о том, что философская состоятельность анархизма коренится не в утопическом проекте окончательного устройства, а в функции неустрашимого критического вопроса, поддерживающего напряжение между сущим и должным.

Ключевые слова: анархизм, онтология власти, федерализм, взаимопомощь, П.-Ж. Прудон, М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин, этика самоорганизации

Для цитирования: Спицына О.А. 2026. Философская генеалогия анархизма: от принципа власти к этике самоорганизации. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 517–523. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-517-523 EDN: WLQDFW

Philosophical Genealogy of Anarchism: From the Principle of Power to the Ethics of Self-Organization

Oksana A. Spitsyna

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
71 Gorky St., Belgorod 308024, Russian Federation

9092039277@mail.ru

Abstract. The article undertakes a philosophical and cultural reconstruction of the genesis of anarchist thought, viewed not as a marginal political movement but as an independent ontological phenomenon immanent to the European tradition of critiquing power. The central analytical category is the dual

semantics of arche (origin/command), whose problematization allows shifting the discussion from political science to the field of metaphysical tension between transcendental coercion and the immanent capacity of the community for self-organization. Drawing on material from ancient democracy (meson, the intrusion of the demos) to W. Godwin's English rationalism, the article demonstrates that the anarchistic impulse is not a product of modernity but a permanent line of philosophizing aimed at deconstructing hierarchical structures. Special attention is paid to the watershed marked by N. Machiavelli: by legitimizing the autonomy of politics through a rupture with ethics, he paradoxically highlighted the need for their reunification, which was subsequently realized by classical anarchism of the 19th century. The article argues that P.-J. Proudhon, M.A. Bakunin, and P.A. Kropotkin, despite their differences, overcome the dualism of individualism and collectivism through the concepts of federalism and mutual aid, affirming anarchy not as chaos but as a positive order without domination. The analysis concludes that anarchism achieves philosophical consistency not in a utopian project of final arrangement but in the function of an irremovable critical question sustaining the tension between the actual and the obligatory.

Keywords: anarchism, ontology of power, federalism, mutual aid, P.-J. Proudhon, M.A. Bakunin, P.A. Kropotkin, ethics of self-organization

For citation: Spitsyna O.A. 2026. Philosophical Genealogy of Anarchism: From the Principle of Power to the Ethics of Self-Organization. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 517–523 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-517-523 EDN: WLQDFW

Традиция истолкования анархизма, доминировавшая на протяжении большей части минувшего столетия, страдала симптоматичным редукционизмом. Политическая доктрина, социологическая теория или, в лучшем случае, историко-философский курьёз – за этими рамками упорно не желало проступить то, что составляет подлинный нерв анархистского дискурса, а именно его онтологическое измерение. Между тем фундаментальные трансформации современной философско-культурной парадигмы, сопровождающиеся кризисом классических метанарративов и размыванием границ между государственным и социальным, настоятельно требуют пересмотра устоявшихся клише. Обращение к анархизму перестаёт быть уделом историка политических учений или политолога, превращаясь в острую культурологическую проблему: механизмы доминирования проникают ныне в ткани повседневности, языковые структуры и способы субъективации, и именно анархистская мысль, взятая в её метафизической глубине, способна вскрыть скрытые предпосылки этого проникновения. Следовательно, необходима генеалогическая реконструкция самого принципа отрицания власти – реконструкция, которая высветила бы, каким образом отказ от arche обретал форму системного дискурса на разных этапах европейской интеллектуальной истории.

Ключ к подобному переосмыслению даёт этимологическая и метафизическая проблематизация категории arch. Её двойная семантика (начало и власть, принцип и повеление) образует тот узел, в котором западная метафизика, а вслед за ней и политическая теория, на протяжении тысячелетий легитимировала принудительный порядок. Arche – это власть того, кто начинает. Право руководить утверждается в самом акте начала, и, наоборот, власть начинать подтверждается в осуществлении командования. Семантическая спайка, закреплённая ещё в древнегреческом языке (archaios означает «изначальный», а archikos – «главный»), превратилась в онтологическую схему: всякая претензия на легитимность неизбежно апеллирует к некоему первоначалу (династическому, божественному, рациональному или революционному), которое одновременно фундирует порядок и санкционирует принуждение. Анархизм же в

этымалагічнае строгае значэнне ёсць не столькі адмаўленне дзяржавы, колькі перманентная апазіцыя самаму прынцыпу *arche*, апазіцыя, якая не можа канстытуіраваць сябе ў якасці новай улады, не ўпадаючы ў самаадмаўленне. Ібо навязаць свабоду і роўнасць, не пераўтварыў іх у новую форму панавання, азначала б вытворчы тая самую камандную жэст, супраць якога накіравана крытыка. Гэта апорія, структурная немагчыкасць для анархізму стаць уладай, не перастав быць сабой, аднак не паралізуе яго, а пераўтварае ў перманентнае тэарэтызаванне, вечную крытыку існуючага свету, якая захоўвае філасофскую сур'язнасць менавіта дзякуючы адмаўленню ад догматычнага замацавання ісціны.

Вядома, было б сур'язнай памылкай лічыць, нібы анархічны імпульс узнікае толькі ў XIX стагоддзі ў якасці рэакцыі на індустрыяльны капіталізм і бонапартысцкае дзяржаўства. Філасофская генеалогія, звярнуцца да глыбінных пластаў культурна-історычнага вопыту, дэманструе, што гэты імпульс прысутнічае ўжо ў практыцы афінскай дэмакратыі. Інтэрпрэтуемая праз катэгорыю *meson* – як трэцяга прастранства, у якім канфлікт выражаецца ў калектывным удзеле дэмоса, не пераходзіць ні ў грамадзянскую вайну, ні ў рэстаўрацыю архаічнага кіравання, – афінская дэмакратыя прадстаўляе сабой вопыт самакіравання ў адсутнасці ўсталяванага камандавання. Італьянскі філосаф Данацэла Дзі Чэзарэ апісвае гэты вопыт як «анархічную дэмакратыю»: ўварожэнне тых, хто не мае тытула на ўладу, разбурае неперапыннасць панавання; жэбаванне пасадак, перамяненне роляў, абмежаваны тэрмін поўнамоццяў і астракізм становяцца інструментамі, блокуючымі крывацязненне *arche* [De Cesare, 2024, p. 154]. Дэмос «не мае прадэсталяванай ідэнтычнасці, пастаянна пераструктуріраваецца, вяртаючыся да падзелу і вызначэння. Падзел пачатку, але і падзел улады, дэмос з'яўляецца палітычным падзелам бесправых – тых, хто не мае права камандаваць, хто не ўваходзіць у парадак якіх-ліб *arche*» [De Cesare, 2024, p. 158]. Гэты антычны вопыт задае парадыгму, якая ў выніку, праз даосскае *у-вэй* (недзяянне, гармонія без прымушэння дзяржавы), сярэневековы антыклерыкалізм іахімітаў (спадзяванне эры Святога Духа без царкоўнай іерархіі) і гуманістычны антропацэнтрызм Відроджэння (чалавек як творца свайго лёсу ў Піка дэла Мірандола), будзе паўплываць на анархісцкі дыскурс, застаючыся, аднак, на узроўні разрозненых інтуіцыяў. Сістэматычнай філасофскай формы анархізм дасягае толькі тады, калі ўступае ў свядомое напружанне з макіявэлісцкім падзелам.

У гэтым пункце аналіз набывае асаблівую астроту. Н. Макіявэлі зрабіў апэрацыю, ад якой анархізм ў выніку адтальківаўся з максімальнай рашучасцю. Флорэнцыйскі мысліцель Э. Касірэра пісаў: «Адрэзаў усе ніткі, з дапамогай якіх у папярэдніх пакаленнях дзяржава была прымацавана да арганічнаму цэламу чалавеческага існавання» [Касірэра, 1989, с. 102]. Палітыка, зразумевана, як аўтаномная сфера, вызбавітая ад моральнай ацэнкі і наступная толькі свайго тэхнічнаму (мэстэцтву дасягнення і ўтрымання ўлады), першы раз перад назіральнікам у сваёй цинічнай велічыні. Э. Касірэра таксама адзначаў, што «Дзяржава» гэта чыста тэхнічная кніга, і менавіта ў гэтым ёй новацтва. Анархісты згаджаюцца з апісаннем палітычнай рэальнасці Н. Макіявэлі, ёй прырода сапраўды такая, як ёй убачыў флорэнцінец, але менавіта таму яны не могуць прыняць ёй легітымнасць. М.А. Бакунін называў Н. Макіявэлі «рэалістычным і пазітыўным мысліцелем» і прызнаваў эмпірычную дакладнасць яго аналізу, але зрабіў з гэтага проціваротныя высновы. Калі для Н. Макіявэлі падзел палітыкі ад этыкі ёсць умова навукасці, то для анархізму гэта падзел ёсць дыягназ паталогіі. Па меру Дж. Бэрці: «Анархізм з'яўляецца этычнай ідэалогіяй, якая рухаецца ў палітычным кіраванні. Ёго

модель общества заключается в преодолении правового комплекса принудительной власти, в соответствии с которым решающие отношения между его членами складываются не между законом и свободой, а между свободой и моралью» [Berti, 1982, p. 399]. Там, где Н. Макиавелли разорвал, анархизм воссоединяет, не в форме морализаторства над политическими процессами, а в фундаментальном переустройстве самой логики социального.

Указанная трансформация получает свою первую последовательную теоретическую разработку в трудах Пьера-Жозефа Прудона, который ввёл различие, без которого невозможно понимание дальнейшей эволюции анархистской мысли: между негативной анархией (хаосом), которая парадоксальным образом порождается самой властью, стремящейся к гомогенному единству, и позитивной анархией (порядком), возникающей из имманентной способности социальных сил к самоорганизации на основе справедливости и сериальной диалектики. Согласно Прудону: «Порядок есть серия, то есть образ, законы и отношения, согласно которым каждое сотворённое существо отделится от всякого неделимого» [Proudhon, 1858, t. 2, p. 190]. Это определение принципиально анти-архично: порядок не навязывается извне трансцендентным законодателем, а высвобождается из самой реальности через акт различения и дифференциации. Метафизическая замкнутость на Едином, на абсолютном начале, неизбежно ведёт к произволу, ибо единство, понятое как фикция принуждения, не соответствует плюральности социального. Прудоновская критика собственности («собственность есть кража»), государства («правительство есть заговор против народа») и божественного абсолюта есть, в сущности, критика трёх модусов *arche* (экономического, политического и теологического), и в каждом случае позитивная анархия утверждает возможность порядка без господина, порядка, который не нуждается в трансцендентной санкции, поскольку черпает свою легитимность из внутренней справедливости федеративных отношений.

М.А. Бакунин, заимствуя у Прудона исходную интуицию, но отказываясь от её, как он полагал, идеалистического остатка (веры в постепенное откровение Справедливости), переносит проблему в антропологическую и историческую плоскость. В его натуралистической онтологии, сформированной под влиянием левого гегельянства и позитивизма, человечество есть продукт природы, но такой продукт, который, благодаря способности к абстракции и воле, может возвыситься над непосредственным давлением естественных законов, чтобы подчинить их своим идеалам. Главная антиномия антропологии М.А. Бакунина заключается в диалектике детерминизма и свободы: человек не обладает свободной волей в метафизическом смысле, ибо каждое его действие обусловлено бесконечной цепью природных и социальных причин; однако именно познание этих законов, а не иллюзорный произвол, составляет условие освобождения. По мнению М.А. Бакунина: «Я свободен лишь тогда, когда все человеческие существа, окружающие меня, мужчины и женщины, равно свободны. Свобода других не только не является ограничением или отрицанием моей свободы, но, напротив, есть необходимое условие и утверждение её» [Бакунин, 2019, с. 186]. Этот тезис знаменует разрыв как с гоббсианским индивидуализмом, так и с руссоистским контрактуализмом: свобода не предшествует сообществу, а реализуется только в нём и через него, причём условием моей свободы выступает свобода другого. Государство же, будучи секуляризацией религиозного сознания и опираясь на страх перед божественным и человеческим авторитетом, систематически блокирует эту взаимность, превращая общество (естественную, спонтанную форму человеческого общежития) в иерархию господства и подчинения. Также М.А. Бакунин указывает: «Государство есть самое вопиющее, самое циничное и самое полное отрицание человечности» [Бакунин, 1995, с. 143].

Если М.А. Бакунин обосновывал анархизм преимущественно через критику государства и антропологию бунта, то П.А. Кропоткин предпринимает попытку дать ему позитивное научное обоснование, опираясь на данные естественных наук и эволюционной биологии. Он противопоставляет социальному дарвинизму (с его акцентом на внутривидовую борьбу) теорию взаимопомощи как главного эволюционного механизма, действующего наряду с взаимной борьбой и, в ряде случаев, превосходящего её по эффективности. П.А. Кропоткин утверждает: «Это чувство, эта практика солидарности не прекращаются никогда, даже в худшие эпохи истории. Даже когда временные обстоятельства господства, рабства, эксплуатации заставляют забывать этот принцип солидарности, он всегда остаётся в мышлении большинства таким образом, что приводит к реакциям против дурных институтов посредством революции» [Кропоткин, 2016]. Одновременно с этим, важно не упустить из виду, что кропоткинский анархо-коммунизм не сводится к экономическому тезису об обобществлении средств производства; он представляет собой синтез политического и экономического освобождения, когда упразднение государства мыслится неотделимым от упразднения частной собственности, а экономическое равенство – бессмысленным без политической автономии. П.А. Кропоткин пишет: «Каждый шаг к экономическому освобождению, каждая победа над капиталом будет победой над властью» [Кропоткин, 1990, с. 158]. Этот синтез, как показывает анализ, позволяет П.А. Кропоткину избежать двух симметричных опасностей: либеральной свободы, оставляющей место эксплуатации, и авторитарного коммунизма, уничтожающего свободу во имя равенства. С этой точки зрения, анархо-коммунизм есть экстраполяция уже существующих тенденций к кооперации и взаимопомощи, которые П.А. Кропоткин обнаруживает как в животном мире, так и в истории средневековых вольных городов и крестьянских общин.

Завершая анализ классического периода, приходим к выводу, который одновременно фундирует и проблематизирует дальнейшую эволюцию анархистской мысли. При всех внутренних разногласиях между прудоновским федерализмом, бакуниным антитеологизмом и кропоткинским анархо-коммунизмом, классический анархизм утверждает анархию как позитивный порядок, основанный на имманентной способности человека к самоорганизации. Вместе с тем эта апелляция к «природе человека», «естественному инстинкту солидарности» или «историческому прогрессу» заключает в себе латентную угрозу возврата к той самой метафизике присутствия, против которой направлен анархистский пафос. Вера в благоую сущность, ожидающую освобождения от оков государства, – не воспроизводит ли она, пусть и в перевёрнутом виде, ту же логику *arche*, когда некая трансцендентная норма (природа, разум, прогресс) предписывает должный порядок и санкционирует насилие над уклоняющимися? Этот вопрос, как показывает современная постструктуралистская критика (от Ж. Деррида до Дж. Агамбена), становится центральным для пост-анархизма, но его истоки уже содержатся в напряжении между негативной и позитивной анархией, которое классики так и не смогли полностью разрешить. Годвиновский рационализм, прудоновский сериализм, бакунинский натурализм и кропоткинский эволюционизм, при всех различиях, сохраняют остаточную веру в то, что существует некий вневластный фундамент, на котором можно выстроить общество без господства, но сам этот жест поиска фундамента уже и есть жест власти.

Философское значение проделанной генеалогической реконструкции выходит далеко за пределы историко-философского экскурса. Оно заключается в выявлении того, что анархизм обретает свою подлинную состоятельность не в качестве готового социального проекта (такой проект неизбежно стал бы новой формой застывшего порядка, новой *arche*), а в функции перманентного критического вопроса. Этот вопрос обращён как

к государству, капиталу или церкви, так и к любому претенденту на статус последнего основания, включая самого анархиста, рискующего догматизировать собственную критику. В этом смысле анархизм, понятый как онтологическая позиция, есть не что иное, как «неисчерпаемое исследование, противостоящее заострению догмы и утверждающее приоритет живого критического разума над мёртвой буквой института» [Фейерабенд, 2007, с. 238–245]. Такая постановка вопроса возвращает нас к античной интуиции *meson* (пространства конфликта, не переходящего в насилие) и к макиавеллиевскому вызову (автономия политики как проблема, а не как решение), но уже на новом витке: анархия есть постоянное прерывание любого порядка, претендующего на окончательность, прерывание, которое и составляет условие возможности подлинно человеческого бытия-вместе.

В итоге проведённого анализа можно сделать два взаимосвязанных вывода, имеющих значение для современной политической онтологии и философской антропологии. Во-первых, анархистская мысль представляет собой одну из фундаментальных линий европейской философии, ориентированную на деконструкцию иерархических структур и обоснование автономии. Её истоки – в афинском *meson*, средневековых ересьях, ренессансном гуманизме, просветительской критике авторитета. Во-вторых, именно способность анархизма поддерживать живое напряжение между критикой существующего и конструктивным поиском альтернативы, не позволяя ни одному из полюсов абсолютизоваться, составляет его непреходящий эвристический потенциал. В эпоху, когда транснациональные сети власти и биополитические механизмы контроля делают традиционные формы государственного суверенитета всё более диффузными, а классические революционные нарративы – всё менее убедительными, анархизм возвращается как актуальная философская позиция, требующая от мысли и действия мужества обходиться без гарантий. Эта позиция предлагает способ мышления, который принципиально не может быть окончательным, и в этом заключается её единственная, но абсолютная твёрдость.

Список литературы

- Бакунин М.А. 1995. Государственность и анархия. СПб., Алетейя, 416 с.
Бакунин М.А. 2019. Федерализм, социализм и антиатеологизм. М., Кучково поле, 320 с.
Кассирер Э. 1989. Миф о государстве. Пер. с нем. М., Прогресс, 303 с.
Кропоткин П.А. 2016. Нравственные начала анархизма. В кн.: *Анархия: сборник*. М., Академический проект: 28–29.
Кропоткин П.А. 1990. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., Правда, 642 с.
Фейерабенд П. 2007. Против метода. Очерк анархистской теории познания. Пер. с англ. А.Л. Никифорова. М., АСТ Хранитель, 413 с.
Berti G. 1982. Il pensiero anarchico dal Settecento al Novecento. Roma, Editori Riuniti, 416 p.
De Cesare D. 2024. Democrazia e anarchia. Il potere nella polis. Roma, Carocci editore, 288 p.
Proudhon P.-J. 1858. De la Justice dans la Révolution et dans l'Église. T. 2. Paris, Garnier, 428 p.

References

- Bakunin M.A. 1995. Gosudarstvennost' i anarkhiya [Statism and Anarchy]. St. Petersburg, Aleteyya, 416 p.
Bakunin M.A. 2019. Federalizm, sotsializm i antiteologizm [Federalism, Socialism and Anti-Theologism]. Moscow, Kuchkovo pole, 320 p.
Cassirer E. 1989. Mif o gosudarstve [The Myth of the State]. Transl. from German. Moscow, Progress, 303 p.
Kropotkin P.A. 2016. Nravstvennye nachala anarkhizma [The Moral Principles of Anarchism]. In: *Anarkhiya: sbornik* [Anarchy: A Collection]. Moscow, Akademicheskii projekt: 28–29.

- Kropotkin P.A. 1990. *Khleb i volya. Sovremennaya nauka i anarkhiya* [Bread and Freedom. Modern Science and Anarchy]. Moscow, Pravda, 642 p.
- Feyerabend P. 2007. *Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoy teorii poznaniya* [Against Method. Outline of an Anarchist Theory of Knowledge]. Transl. from English by A.L. Nikiforov. Moscow, AST Khranitel', 413 p.
- Berti G. 1982. *Il pensiero anarchico dal Settecento al Novecento*. Roma, Editori Riuniti, 416 p.
- De Cesare D. 2024. *Democrazia e anarchia. Il potere nella polis*. Roma, Carocci editore, 288 p.
- Proudhon P.-J. 1858. *De la Justice dans la Révolution et dans l'Église*. T. 2. Paris, Garnier, 428 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 17.10.2025

Поступила после рецензирования 17.01.2026

Принята к публикации 30.05.2026

Received October 17, 2025

Revised January 17, 2026

Accepted May 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Спицына Оксана Александровна, начальник кабинета специальных дисциплин кафедры тактико-специальной подготовки, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oksana A. Spitsyna, Head of the Special Disciplines Office at the Department of Tactical and Special Training, Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia.